

Юрий Калмыков

## Неизвестная фотография Георгия Шенгели

Эта фотография была найдена давно, далеко, случайно, а затем много лет пролежала в домашнем архиве. История снимка темна. Ничего не известно о том, при каких обстоятельствах, когда и где он сделан: в Казани ли, или же там только подарен; кто такая адресат дарственной надписи «милая Зоя», почему дата там столь неточна. Есть и другие вопросы. Поэтому нынешняя публикация никак не может быть научной. Это – дело биографов и литературоведов, я же просто читатель, которому повезло. Но портрет настолько хорош и притом редок (возможно, уникален), что понятно желание, не откладывая более, ввести его в пространство культуры. Предложение сделать это на страницах почтенного альманаха было неожиданным и лестным. А поскольку поступило оно из родного города, то еще и тронуло душу, и захотелось в ответ доверительно рассказать немного о приближении к той давней находке и об обстоятельствах ее обретения, которые кажутся занимательными.

О Георгии Шенгели люди моего круга долгое время знали главным образом то, что его якобы собирались побить в конце поэтического вечера в каком-то зале на Пушкинской улице в начале 1920-х годов. Об этом курьезе и немного о самом поэте рассказал Константин Паустовский в автобиографической повести «Время больших ожиданий», радостно всколыхнувшей умы читающей Одессы. Было это больше шестидесяти лет назад.

Красивое имя, привлекательный образ. Конечно же, захотелось почитать стихи. Это оказалось невозможным. Ни книг

(последняя, как выяснилось позднее, вышла в свет в 1939 году, за двадцать лет до смерти поэта), ни публикаций в периодике не было. Возможно, ослабела бы со временем острота интереса.

Но вот спустя лет десять брату моему с другом посчастливилось побывать в гостях у вдовы Г.А. Шенгели Нины Леонтьевны Манухиной, тоже полузабытого поэта. Позволено было снять фотокопии с нескольких машинописных листов со стихами разных лет. Так мы стали обладателями двадцати четырех стихотворений, неизвестно кем («самиздат»?) и по какому принципу отобранных. С ними и жили долгие годы. Некоторые стихи стали не только фактом читательской биографии, но и событием глубоко личной жизни.

Шло время. Друг брата сумел опубликовать два стихотворения в комсомольской газете в Одессе (напечатаны были с купюрами и нелепой редакторской правкой). Мне удалось с согласия Нины Леонтьевны и от ее имени поместить стихотворение «Памяти Грина» в номере журнала «Уральский следопыт», посвященном столетию писателя. Тираж журнала в те годы был немалый: 249 000. Что и говорить, было приятно.

Прошло еще двадцать лет. Мы с сыном приехали в Казань, чтобы забрать нашу странствующую выставку «Дом, который построил Джек», полгода бывшую гостьей Национального музея Татарстана. Разобрав и упаковав ценности (завтра нас доставят на вокзал), шли в гостиницу, усталые и голодные. Был лютый мороз, довольно поздний час. Но увидели свет за окнами антикварной лавки. Ни времени любоваться редкостями, ни денег не было. Но очень захотелось ненадолго в тепло. Для приличия попросили у барышни посмотреть стопку старых открыток и фотокарточек, что лежала под стеклом рядом с подшивкой «Нивы». Вот, собственно, и все. Остальное, думаю, читателю понятно.

Изумлялись весь вечер за ужином, восхищались всю дорогу в вагоне. Дома изумляли и восхищали близких и перечитывали те немногие стихи. А через некоторое время о находке забыли. То была пора профессиональной востребованности, множества поездов, напряженной работы. И сопутствующих тревог, и невзгод. Словом, фотография была забыта, причем забыта наглухо – как оказалось, опять на много лет.

Можно по-разному оценивать происшедшее, можно от оценок и воздержаться. Но так или иначе только совсем недавно фотография была обнаружена в недрах беспорядочного архива вновь, и притом словно впервые – с той же внезапной яркостью открытия, что и в начале века. «Два счастья вместо одного. Хвала беспамятству!» – написал я брату, посылая ему находку.

Теперь уже под рукой был Интернет. Стали доступны и стихи Георгия Шенгели, и биографические сведения, и фото, и статьи о творчестве. С удивлением мы обнаружили, что ни «нашего» снимка, ни подобных изображений поэта ранней поры нет в его обширной иконографии. Разумеется, возникло несмелое предположение, что эта фотография может быть неизвестна специалистам. Так ли это?

За ответом я отважился обратиться к Вадиму Перельмутеру, авторитетнейшему исследователю, популяризатору и издателю творческого наследия Г.А. Шенгели. Пространный ответ пришел через несколько дней. Вадим Гершевич не только уделил проблеме часть своего времени, но и привлек к ней внимание коллег. Вердикт был таков: никому из специалистов снимок никогда не встречался. За этим следовали два скептически окрашенных примечания. Первое: вызывают некоторые сомнения «отличия от известных фотографий примерно той же поры», но это может быть обусловлено, добавляет В. Г., «фото-портретной практикой того времени». Второе: у специалистов нет документальных свидетельств о пребывании Г.А. Шенгели в 1916 году в Казани. Важное обстоятельство в глазах серьезного ученого. Но, может быть, находка и есть такое свидетельство? Впрочем, о цели нашей публикации уже сказано в начале этих заметок. А в том, что на снимке – Георгий Шенгели, нет у меня ни малейших сомнений. В этом убеждает внимательное до скрупулезности сопоставление черт лица со всеми доступными нам изображениями; и с этим согласны все, кого я вовлек в это приключение.

И если волею судеб я один из немногих, если не единственный хранитель этого изображения, то не только вправе, мне кажется, представить его *urbī et orbī*, но и обязан сделать это, следуя настоятельной внутренней потребности. Я владелец только старой





фотокарточки, прекрасный же этот портрет должен принадлежать отечественной культуре.

А В.Г. Перельмутеру мы безмерно благодарны за участливый отклик на мое письмо. Его внимание к нашей проблеме – и помощь, и честь для нас.

Вторая часть этих заметок поневоле несет на себе некий слегка фантастический оттенок. Была помянута выставка, не будь на свете которой, не состоялась бы и наша находка. Уже поэтому нелишним кажется кое-что рассказать о ней. И о тех неведомых сочинителям выставки в середине 90-х годов неожиданных сближениях, что обнаруживаются только теперь.

Далее – небольшой самодеятельный спектакль. Действие – в своеобразных коротких диалогах.

В экспозиции выставки «Дом, который построил Джек» – акварельный пейзаж тонкой одесской художницы Олимпиады Стояновой. Она много писала Восточный Крым, была в дружеской переписке с Максимилианом Волошиным, бывала у него в Коктебеле. И Георгий Шенгели дружил с Волошиным (был с ним на «ты»), не раз гостил у него, иногда подолгу. Вполне возможно, О. Стоянова и Г. Шенгели встречались в Доме поэта. Могли, конечно, и не встретиться. Но и в этом случае дистанция между ними – всего лишь в два (но чьих!) рукопожатия...

«Но ведь я – из тех, кто вышел / В жизнь в двенадцатом году» (Г. Шенгели, «Здравствуй, год шестидесятый!..», 1953). В экспозиции – «Карта Черного и Азовского морей за 1912 год». На ней есть и малая родина поэта, станица Темрюк, и любовь всей жизни Керчь, и крохотное Еникале – ласковый знак Несбывшегося. ...Это особая карта: «с обозначением мест крушений судов». Их было в том году сорок три...

Известно, что одно из первых, и сразу блистательных публичных авторских чтений стихов Г. Шенгели состоялось в Одессе. Это было в середине 1910-х годов. И позднее с нашим городом связаны значительные события его творческой биографии – и поэтической, и научной. В экспозиции – почтовая открытка рубежа веков: вид на городскую Думу и гавань с парусными судами у причалов (снимок, как видно, сделан

с крыши оперного театра). Такую открытку мог бы купить на память наш поэт еще в первой своей поездке. Конечно, мог и не купить. Даже скорее всего так. Но вот она, однако же, откуда ни возьмись, здесь, в нашем повествовании, в совершенно ином, британском сюжете...

«...с конца 10-х годов переводы в творчестве Шенгели стали равноправны со стихами оригинальными» (В. Перельмутер). Самая крупная из этих работ Шенгели – перевод почти всего Дж.Г. Байрона. Десятки тысяч поэтических строк. То был не только профессиональный интерес, надо думать, но и долгое сердечное влечение. В экспозиции – две гравюры 1834 года: портреты джентльменов, чья личность удостоверена лишь собственноручной подписью пером. На одном из них – Джон Кэм Хобхаус, барон Бротон Де Гиффорд (автограф лаконичнее: J.C. Hobhouse). Поэт, прозаик, публицист, близкий друг лорда Байрона, спутник в его восточных и европейских странствиях, автор исторических комментариев к четвертой книге «Странствий Чайлд-Гарольда». На другом листе – Сэмюэл Тейлор Колридж, видный поэт «озерной школы», чтимый старший брат. Необычный четырнадцатистрочный эпиграф из Колриджа предпослан рвущей душу Байроновой элегии «Прости». Вот еще два двойных рукопожатия Г. Шенгели, в каждом из которых одно, правда, метафизическое, но не менее крепкое от этого. И снова заметим – чья рука там посредник!..

И там, и здесь с грустью помянут Иоанн Креститель. Г. Шенгели: «У закоптелых ликов – как прибой, / Забытый порт Святого Иоанна» («Порт Св. Иоанна», 1916). В экспозиции – эпизод с барком «Св. Иоанн», исчезнувшим без вести в октябре 1911 года...

И еще одно воображаемое рукопожатие Г. Шенгели через лорда Байрона – сэра Вальтера Скотта (так в виньетке под портретом). Гравюра другого рода и ряда, нежели упомянутые, в строгой рамке с шотландской символикой. Они были знакомы, встречались. Баронет был на семнадцать лет старше лорда, пережил его на восемь лет, написал книгу «Смерть лорда Байрона»...

На втором месте в переводческом наследии Г. Шенгели – и по культурному значению, и по объему трудов – В. Гюго: более ста поэтических произведений. Единственная подлинная книга

в нашей экспозиции (есть еще два муляжа) – это «Victor Hugo. Odes et ballades. Paris. 1858»...

В стихотворении Г. Шенгели «22 янв. 1793 г.» (1919) – эпизод Великой Французской революции. Художественно потрясающая (натурализм отдыхает) сцена казни короля. В экспозиции – затихающее эхо событий июня 1795 года: роялистский мятеж, Вандея...

Угадываются и более сложные, но вполне понятные связи между выставкой и творчеством нашего поэта. Чудовищные картины, явленные во многих стихах Г. Шенгели о днях революции и гражданской войны, неизбежно вызывают в памяти офорты Ф. Гойи из цикла «Капричос». На конверте письма-прощания, посланного из городка Ларедо в Дом, который построил Джек, – три испанские почтовые марки 1930 года выпуска с портретом Франсиско Гойи...

Есть и совсем простые, как легкий вздох. «И смуглый звон чеканных кирпичей» (Г. Шенгели, «Огонь и глина», 1916). В начале нашей экспозиции – задымленный с угла, искрящийся чешуйками слюды, тонкий (не больше дюйма) и размерами с небольшую книгу кирпич из кладки каминного свода с оттиснутым на нем (отчеканенным!) инициалом «J». Нарочно не придумаешь...

А потертый собачий ошейник в витрине и рядом старая латунная миска для корма приводят на ум саднящую строку осени 1941 года – «Мы живем вчетвером: я, собака и наши две тени»...

Вот какие странные, по большей части необъяснимые переключки слышны в этой истории сегодня. Удивительно? По мне – и да, и нет.

Энергичное, без колебаний, «Да!» – если не забывать, что в пору создания выставки и имя, и по-прежнему малознакомое творчество Г. Шенгели находились в полнейшем отдалении от наших замыслов и задач. Это непостижимо по сию пору.

И мягкое, но убежденное «Нет» – если довериться известному суждению о том, что все на свете со всем на свете связано. Бывает увлекательно и важно эти связи улавливать, отыскивать и ценить. Похоже на то, что в Доме, который построил Джек, в какой-то мере владеют таким умением...

...Порою вдруг покажется, будто что-то влекло выставку – несколько лет, через тысячи верст – к той давней находке. То ли наивные и неясные предчувствия, то ли зашифрованные предсказания и тайные ориентиры, живущие в ней самой. Если так, то именно выставка – главное действующее лицо в нашем нынешнем представлении. Да это и в любом случае так. А мы с сыном – просто рабочие сцены, установщики декораций, реквизита и света. Любимое и достойное, черт побери, занятие.

Поди гадай, кто же автор пьесы, кто режиссер?.. Впрочем, пора завершать эти заметки. Сейчас опустится занавес.

...Итак, вот полный загадок авантюрный сюжет и возвращенное в финале сокровище. Оно перед вами, читатель. Незвестный портрет замечательного поэта Георгия Аркадьевича Шенгели.

Как хорошо, что явлен он миру в Одессе, на перекрестке прославленных улиц.

Екатеринбург

